

ГЕЙДАР АЛИЕВ ШАГНЕТ ВПЕРЕДИ

Самый долгоиграющий политик в СНГ, президент Азербайджана рассказывает: как он спас свою республику, о двух покушениях на него и почему он не советует своему сыну идти сейчас в политику

— Гейдар Алиевич, когда в октябре 87-го вас выбрали в постов члена Политбюро ЦК КПСС и первого заместителя председателя Совета министров СССР, многим показались, будто этого Алиева завершили навсегда. Наверное, и у вас возникло ощущение, что все в прошлом, а впереди только победы на завалинке, мемуары да внуки на колени? — Конечно, возникало, как же иначе? Не сомневался: под активным периодом моей жизни поведена черта. Как полагаются, оформил пенсико и продолжал спокойно жить в Москве. Вернее, это я хотел так жить, но меня не оставляли в покое. Пришло через год после отставки начались преследования. Не скрою, я почувствовал себя обвиненным и дал слово окончательно отойти от политики. И удалился. Я перешел много всякого — в работе, в личной жизни, поэтому заслужил право на отдых.

— Но 20 января 1990 года в Баку вошли советские войска, и пролилась кровь мирных жителей... Я не мог смолчать. Сначала пытался добиться встречи с Горбачевым или другими членами Политбюро. В голове не укладывалось, как в этой ситуации можно было не воспользоваться моим авторитетом. Все-таки я четырнадцать лет руководил республикой, до этого четверть века проработал в КГБ Азербайджана, наверх я вышел бы, как посолетоват. Но никто не захотел меня выслушать. Знак протеста я вышел из КПСС. После этого гонения на меня только усилились. И до этого лили грязь, а теперь она потекла бурной рекой. Кампания набирала обороты. Меня вынудили покинуть Москву.

— Словом, не тронули бы вас в конце 80-х, не было бы сегодня Президента Алиева?

— Слушайте дальше. Уехал из Москвы, я не смог остаться и в Баку, в городе, в котором много лет проработал, для которого столько сделал. Буквально через три дня меня выжили и отсюда. Пришлось перебраться в блокадную Нахичевань. Помню, зимой морозы доходили до срока градусов, я сидел в кабинете в пальто и в шапку, как мог согреться... В Нахичевань приехал в конце августа, до июня 93-го, пока народ не призвал меня. Я вернулся в Баку в очень трудный момент. Какоето-то время пришлось даже заменять одновременно президента, председателя парламента и премьер-министра.

— Чтобы власть обрела легитимность, на октябрь 93-го я назначил президентские выборы. Своим кандидатом не выдвигал. Меня народ попросил, и я согласился. — Кажется, похожий исход вы намереваетесь использовать и сегодня? — Верно, за пять лет я многое сделал в Азербайджане, поэтому не хочу бороться за переизбрание. Но если я иду из страны и народ отказывается от президентского поста не стану.

— Гейдар Алиевич, к чему это «если»? Стоит ли лукавить, когда ответ вам извместен? — Да. Надеюсь, за меня проголосует столько, сколько нужно для победы. — Поинтересуйтесь сейчас Азербайджан не может. Но у нас в республике есть очень грязная оппозиция. Эти люди каждый день пишут, будто Алиев не справляется, не может руководить, ну и так далее. Они могут? Пусть сидят и попробуют. Это со стороны критиковать легко.

— Потому что в моих словах лукавства нет. Одно дело самому заявлять о желании стать президентом. Другое — возмем Эльчибея (Абдулла Эльчибей возглавлял Азербайджан до июня 1993 года). А в 93-м он четверть от полновластного назад удаля отсюда, жил в горах, а премьер вдруг кричит: «Хочу быть президентом». Совсем чужака совести нет!

— Скажем, был у меня полбратец Миллалетдин Алиев, нашего Чилдана. Награбил огромные деньги и уехал из страны. Два года прожил в Америке, зная об огромности за совершенные преступления и боясь вернуться в республику, а сейчас — туда же: черт

радиостанцию «Свобода» без конца вещает о своих президентских амбициях. — Речь, надо полагать, о Гулиеве? — Да.

— В московской прессе публиковались интервью с Расулом Гулиевым. Он не отвечает в долгу, возвращает вам обвинения в воровстве. Как говорится, аллаверды. — Какие обвинения? — Гулиев утверждает, что это у члена вашей семьи есть многомиллионные счета за рубежом.

— Такую клевету можно о любом человеке сочинить. Я, например, скажу, что вы украли миллиард денег. Понимаете? Обвинения же в адрес Гулиева доказательны. — Этот самый Гулиев в 95-м году говорил с трибуны (и это записывало телевидение), что в нашем веке в Азербайджане было два исторических события. Первое — обретение республикой независимости в 91-м году, а второе, что Алиев выжил и смог стать президентом страны. Так Гулиев говорил и в 95-м, и в 98-м. Что же он тогда не рассказывал, как я вую?

Я действительно мог не дожить до 93-го года. Я тяжело болел, вынес много всякого, мог запросто уйти на тот свет. Если бы меня не было, не знаю, что случилось бы с республикой. Не нашлось ведь, кроме меня, человека, который мог бы спасти народ.

— Кстати, о датах. Недавно был юбилей — пять лет, как вы вернулись в Баку. Сначала возглавляли Милли меджлис, а потом — всю республику. Теперь 15 июня в Азербайджане ежегодно отмечают день национального спасения. Кажется, так называется праздник? — Да, все верно. Это решение нашего парламента. — Словом, второе пришествие Алиева спасло Азербайджан от краха?

— Конечно, а как иначе? Прямо так скажу: я действительно мог не дожить до 93-го года. Я тяжело болел, вынес много всякого, мог запросто уйти на тот свет. Если бы меня не было, не знаю, что случилось бы с республикой. Не нашлось ведь, кроме меня, человека, который мог бы спасти народ. Довустим, я тогда, в 93-м, остался бы в Нахичевани, не приехал в Баку. Что дальше? Президент, председатель парламента, премьер-министр — все уже подало в отставку. Полное безвластие! И в то же самое время этот бандаит идет на Баку из Ганджи. Чем бы все закончилось? — Бандитом вы называете полковника Гусейнова, поднявшего в июне 93-го мятеж против Эльчибея? — Он и есть бандит. Эльчибей вырастил его себе на беду.

— Да? А Гулиев утверждает, будто вы организовали поход Гусейнова, чтобы дестабилизировать обстановку и прийти к власти. — Глупости! Я этого Гусейнова в лицо не видел. Никогда! Он же из Народного фронта был. И Рагим Казиев, бывший министр обороны, отсюда же. Это они все построили, чтобы захватить власть, я сидел в Нахичевани и никак вкзать не хотел. Пришлось. Иначе Азербайджан расколосился бы на несколько частей.

— А хорошо ли, что все упирается в одного человека? — Конечно, плохо, но надо радоваться, что хоть один нашелся, а если бы и его не оказалось? — Вот народ и радуется. Наверное, по слуху вашего семидесятилетия были массовые торжества? — Ничего подобного не допустил. Даже банкета не устраивал.

— Неужели отпустили гостей годовщины? — В апреле на встрече глав стран СНГ пошли разговоры о том, как поздравить Алиева. Эльчин предложил действовать согласованно. Условились на уровне заместителей премьер-министров. Я попросил об одном: ради Бога, только не 10 мая, в этот день меня не будет в Баку. — Где же вы находились? — Узелал за городом.

— Действительно, как и просил, делегации прибыли 8-го. Мы пообедали, и гости улетели.

— Когда я приехал Шеварднадзе. Ем уя не мог отказать, да от меня, собственно, и не спрашивал. — Нарушил общую договоренность? — Когда Шеварднадзе праздновал семидесятилетие, я неожиданно для него прилетел в Тбилиси. Это был ответный шаг. И с Эдуардом Амросевичем мы отобедали и распрощались. А 10 мая сюрприз преподнес уже Демирель (Сулейман Демирель — президент Турецкой Республики). Не мог же я ему сказать: «Нет, я прилетел в Баку». Мы встретились в аэропорту, приехали сюда, провели деловые переговоры, а после обеда Демирель отбыл. Все. Никаких особенных торжеств. На загородной даче собралось только мои дети и внуки. Никого больше — ни премьер-министра, ни председателя парламента.

— И весь юбилей? Никаких переименований улиц и площадей в вашу честь? — Вы затронули очень деликатную тему. Вижу: многие люди относятся ко мне с уважением и даже любовью. А это чувство может проявляться по-разному. Пару лет назад начал замечать: кое-где повисли мои бюсты, на центральных проспектах города стали вывешиваться портреты. Я это запрети. Моя фотография может и даже должна быть в государственном, в кабинете чиновника, в кабинете президента — символ государства. Но не площади же моим ликом украшать!

— У нас есть партия «Новый Азербайджан», созданная с моим участием в то время, когда я жил в Нахичевани. Активист этой партии потратили все свои деньги на изготовление моего огромного портрета, который решили установить перед Баку, напротив офиса «Нового Азербайджана». Мне стало известно об этих планах, и я дал соответствующее указание: не допустить. Но строптивцев не подчинились главе исполнительной власти района и даже мэру города. Пришлось мне вмешаться и пригласить их к себе. Я потратил на разговор два часа. Человек плакал, клялся в любви, говорил, что делает все из лучших побуждений. Я сказал: «Понимаю ваши чувства, но своим поступком вы мне пользу не принесете». Тогда он спросил: «Как же мне теперь поступить?» — «Спрячьте этот бюст подальше. Когда меня не будет на свете, тогда и устанавливайте его. Если сумеете».

— Говорят, сейчас бюст стоит во дворе у этого активиста... — Если бы вы вместе с руководителем Армении решили проблему Нагорного Карабаха, думаю, никакие запреты на прижизненные памятники уже не помогли бы.

— Вы были в лагерях азербайджанских беженцев? — Шесть лет люди живут надеждой вернуться в родные места. Конечно, так существовать очень трудно. С другой стороны, это лишний раз доказывает, какой терпеливый и миролюбивый я на народ. Мы ни на кого не нападаем, ни на чью территорию не претендуем, ни на армянскую, ни на грузинскую, ни на российскую, ни на иранскую. Чужого не надо — наше отойдет. — Послушать армянскую сторону, у нее будет своя правда? — Не сегодня оккупирована почти пятая часть нашей республики! Мириться с таким положением дел нельзя, территориальная целостность должна быть восстановлена. Мы хотим вернуть свою землю. Но для того, чтобы наши люди могли там жить, надо восстановить разрушенное войной. Например, в Физулинском районе двадцать три села пострадали от боевых действий. Там все оказалось разрушенным, мы проводим работы, но Азербайджану в одиночку все не поднять. Финансово международным финансовым организациям — помогаю.

— От СНГ вы получаете реальную поддержку? — Шестнадцать лет в СНГ? Претензий к нему много. Но мой взгляд, Содружество имеет шанс стать хорошим международным органом, если его деятельность будет соответствовать уже сложившимся

мировой практике принципам, основанным на равноправии, взаимном суверенитете друг друга, сочетании взаимных интересов. К сожалению, этого пока нет. Откровенно скажу, я недоволен деятельностью СНГ. Парадокс: два государства, входящих в состав Содружества, находятся в состоянии военного конфликта. Более того, в три года одомирия Россия поставила против нее миллиард долларов. Куда это годится? — К слову, первыми вопрос о переданном Армении вооружении подняли не мы. Азербайджан не ведет разведку на территории соседей, и мы ничего не знали. Российская Госдума потребовала отчета от Министерства обороны, и тогда эта история выплыла наружу. Все делалось незаконно, нелегально.

— Или еще пример. Россия считает своим долгом держать войска в Армении, учащаясь в состоянии военного конфликта с Азербайджаном. Как, скажите нам, на это реагируете? — Это наверняка отражается на ваших отношениях с Ельциным? — Нет, у нас все нормально. Так было всегда, а вremen, когда Борис Николаевич работал первым секретарем Свердловского обкома КПСС, а я возглавлял республиканскую парторганизацию в Азербайджане. Особой дружбы между нами не водилось, но мы встречались на пленумах ЦК, на сессиях Верховного Совета. Когда меня пригласили в Совет министров, Ельцин стал заведующим стрелострельным отделом ЦК. У нас установились деловые контакты. В октябре 87-го года Борис Николаевич остро выступил на пленуме ЦК, и почти все члены Политбюро, включая тех, кого Ельцин считал своими друзьями, резко его осудили, сказали, что он встал на путь партии. А я выступил против Бориса Николаевича не стал. Так что Ельцину на меня обижаться не за что. Если же он делал в мой адрес какие-то заявления, то я их всерьез не принимаю. Это мелочи.

— Между мной и Ельциным не было плохих отношений, хотя бы по той причине, что политик не должен

поддаваться субъективному чувству. Судьба народов выше эмоций. Я всегда руководствовался этими принципами. — Ельцин все чаще заводит разговор о преимекции. И вам, Гейдар Алиевич, идеологически задают этот вопрос, но вы уходите от ответа. — Разве Борис Николаевич кого-нибудь называл? — Намакал. Вы можете сделать то же самое. — Скажите, сегодня о преимекции — значит создать ситуацию, при которой всем места мало будет. И в советские времена претендентов на руководящее кресло находилось немало, а сейчас и подавно: каждый второй считает, будто может стать президентом.

— Вы, наверное, самый долгоиграющий политик на территории экс-СССР. Шутка ли: впервые возглавили республику еще в 69-м году. Но у меня ощущение, что вы рекордсмен не только по продолжительности пребывания наверху, но и по числу политических предательств. Уж как вас кидали... — Это точно. Даже не представляя, сколько вокруг меня людей, которые только и ждут, когда сплоскнутся. Особенно трудно пришлось в Москве в конце 80-х. Меня ведь уже готовились арестовать, компромат повсюду искали. Когда я добровольно вышел из КПСС, создали специальную комиссию, чтобы разобраться в ситуации и меня наказать. Глупые люди! Тогда самым строгим наказанием было исключение из партии, а я из нее сам выбыл...

— Раз уж вы заговорили о предательствах, подделку наблюдением: изменниками чаще оказываются должност-

ные лица. Посты, वाले посты. Чиновники ради карьеры готовы пойти на все. Простые люди так не поступают. Кто вернется в политику? Я в 93-м году приехал сюда без всего — ни денег, ни оружия. У меня было только имя, которому народ верил. Этим я и победил. — У вашего сына имя другое, зато фамилия та же. Может, его преимекником сделать? Все-таки родная кровь, не должен гордиться? — Что бы такое гордиться? Сын у меня умный, хороший, способный, добрый, но у него своя дорога в жизни. — И все же. Ильях уже сегодня крупный руководитель и параллельно — депутат парламента. Не советуете сыну всерьез подумать о большой политике? — После моего, после моего ухода, может, он этим и займется. Но — не сейчас. — Что так? — Именно потому, что он мой сын. Достаточно, что Ильхам — вице-президент нефтяной компании. Нас и из-за этого склоняют. Но ведь должен сын где-то работать, верно?

— Ильхам окончил Институт международных отношений в Москве, но за границу его не пустили — уже был в опале. Сын преподавал в институте, затем и оттуда его уволили. Он остался на улице с двумя детьми. Пошел в бизнес. Сначала работал в Москве. Когда я вернулся в Азербайджан, он приехал со мной, за компанию. А как иначе? Я же один, жена умерла... — Республику постепенно стало налаживать контакты с внешним миром, а Ильхам знает английский, французский языки. Его опыт и пригодился. — Вы ведь тоже языками владеете? — Да, конечно. — Кажется, свободно говорите на фарси, арабском? — Не так уж свободно. На разговорном уровне. Я еще английский и турецкий языки изучал. Во время работы в КГБ.

— Кстати, в том, что многочисленные покушения на вас закончились провалом, наверное, «виноват» и ваш чекистский опыт? — Безусловно. Пожалуй, самая серьезная угроза была попытка сбить президентский самолет.

— На спало, что тогда дул сильный ветер (нормальное, к слову, явление для Баку), и лайнер заходил на посадку не с той стороны, с которой делал это обычно. Террористы с ракетой ждали самолет в другом месте. — Сказано, что тогда дул сильный ветер (нормальное, к слову, явление для Баку), и лайнер заходил на посадку не с той стороны, с которой делал это обычно. Террористы с ракетой ждали самолет в другом месте. — Сказано, что тогда дул сильный ветер (нормальное, к слову, явление для Баку), и лайнер заходил на посадку не с той стороны, с которой делал это обычно. Террористы с ракетой ждали самолет в другом месте.

— Через несколько дней нам поступило сообщение, и мы смогли взять преступников. — Неужели они не демонстрировали ракету? — Нет, все было спрятано, чтобы позже повторить попытку. Но наши спецслужбы наши тайники, а потом и исполнители. Они признали вину. — И то же все заказал? Знаете? — Знаю, но мы будем сейчас углубляться в эту тему.

— В эпизоде с заминированным мостом, по которому вы должны были ехать с президентом Кучмой, тоже удалось установить виновных? — Да, тогда почти двести килограммов взрывчатки заложили. — Хороший мог получить взорванный мост? — Это точно. Полетели бы с Леонидом Даниловичем так, что... Заряд обнаружился буквально за пару часов до времени теракта. — А сегодня у вас есть основания беспокоиться за жизнь? — Да, тревожные сигналы поступают. Некоторые мои враги только на убийство и делают ставку. Они понимают, что по-другому со мной не справятся. Понятно ведь, что выборы пройдут, и Алиев будет избран президентом. Значит, его надо убрать по-другому. — Кто же вы так не устраиваете? — Многих. Но не народ. Мои недруги — из иных мест. Однако это уже отдельная тема.

Андрей ВАНДЕНКО.
Баку — Москва.

(«Комсомольская правда», 19.08.98 г.)